

Р.А. Фандо

А.Л. Шанявский и его проект создания Московского городского народного университета

Статья посвящена истории организации Московского городского народного университета и его основателю А.Л. Шанявскому. Он планировал создать университет, доступный для широких слоев населения, организовать его работу на демократических принципах, привлечь в число преподавателей наиболее талантливых ученых того времени. Процесс открытия университета был затянут на несколько лет в связи с различными бюрократическими препонами. Воссоздать историю борьбы за народный университет от момента его замысла до открытия позволили документы из различных отечественных архивов.

Ключевые слова: А.Л. Шанявский, народный университет, демократизация образования в России во второй половине XIX в., Московский городской народный университет.

История учебного заведения может быть написана под различным углом зрения и при этом быть одинаково достоверной. Это происходит в связи с тем, что, реконструируя прошлое, историк ставит перед собой ту или иную конкретную задачу, для решения которой отбираются определенные источники и методы познания.

В центре внимания настоящего исследования находится проблема всестороннего рассмотрения истории возникновения крупнейшего частного университета в России начала прошлого столетия. В годы своего существования он занимал лидирующие позиции не только среди негосударственных, но также и среди императорских учебных заведений, т.к. имел прекрасную материальную базу и штат высококвалифицированных преподавателей, что способствовало повышению его образовательного и научного престижа. Интерес к Университету им. А.Л. Шанявского был высоким не только среди студенческой молодежи Москвы, но и среди дипломированных специалистов, желающих повысить свою квалификацию.

Истории организации Народного университета посвящено незначительное количество работ современников и более поздних исследователей. Н.В. Сперанский реконструировал открытие и первые годы работы университета [28]. В работе «Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского. Исторический очерк» (1914) также

приводятся исторические сведения о подготовительном этапе, предшествующему открытию Народного университета, статистические данные о студентах, программы курсов [17].

Интерес к изучению организации негосударственных вузов дореволюционной России стал проявляться в отечественной историографии 1970-х гг. Н.Я. Климочкина (1970) в своем диссертационном исследовании изучила организацию образовательного процесса в Московском городском народном университете, посвятив целую главу этому вопросу [15].

Ю.С. Воробьева проанализировала большой материал, касающийся организационного устройства Университета им. Шанявского, особенностей взаимоотношения учебного заведения с Министерством народного просвещения и общественными организациями, а также общей направленности преподавания на различных факультетах. Ею были впервые введены в научный оборот архивные документы, легитимирующие деятельность общественного университета, внутренние распоряжения и протоколы, мемуарные источники, позволяющие наиболее полно и достоверно описать историю «вольной школы» [2; 4].

Ю.С. Воробьева в своей кандидатской диссертации отметила специфику организационного устройства народного университета, выражающаяся в почти полной независимости от Министерства народного просвещения, что помогло ему в конечном итоге стать одним из центров передовой российской науки. На основе изученного массива документов автором диссертации делается вывод, что открытие народного университета Шанявского стало своего рода уступкой государства в условиях третьионьской монархии. Буржуазные слои общества с большим воодушевлением встретили эту «подачку самодержавия», т.к. хотели отвлечь народные массы от революционной борьбы [3].

Работы, выполненные в 1970-е гг., отличаются своеобразными методологическими подходами, основанными на учениях классиков марксизма-ленинизма, и критикуют политику самодержавия в области образования. Несмотря на то, что Московский городской народный университет прекратил свое существование в первые годы советской власти, в отечественной историографии считалось, что Наркомпрос использовал в своей практике демократические традиции «вольной школы», а разработанные профессорами Университета Шанявского методы преподавания были впоследствии использованы в советской высшей школе. Станным звучит также утверждение, что для развития Университета им. А.Л. Шанявского большое значение имел декрет СНК РСФСР от 5 июня 1918 г., согласно которому университет переходил в ведомство Наркомпроса, а Попечительный совет прекратил

свое существование, а также что именно благодаря Наркомпросу были определены направления деятельности вуза, разработаны учебные планы и программы [3]. Понятно, что роль Наркомпроса в развитии образовательной стратегии такого солидного вуза, как Университет Шанявского, была преувеличена. Здесь уже на протяжении десятилетия сложилась система подготовки студентов с разным образовательным уровнем и различной мотивацией, была выстроена система управления на демократических основах и принципах, сформировался коллектив высококлассных преподавателей, была собрана уникальная материально-техническая база для обучения студентов и занятия научно-исследовательской деятельностью.

В 1980-е гг. вопросы институционализации университетского образования были рассмотрены в работах А.Е. Иванова [6–8]. Он наглядно продемонстрировал, что, несмотря на объявленные демократические реформы и новую образовательную политику государства во второй половине XIX в., профессорские коллегии не всегда были правомочны в принятии административных решений. Кроме того, не была реализована главная цель университетской контрреформы 1884 г.: не удалось оградить университеты от социально-политических процессов, захвативших российское общество конца XIX – начала XX вв.

А.Е. Иванов впервые в советской историографии проанализировал особенности становления неправительственной высшей школы в дореволюционной России, показал соотношение числа таких вузов к государственным учреждениям, отметив, что негосударственное образование в 1900–1917 гг. по темпам своего роста и интереса со стороны общества опережало систему государственного высшего образования.

В 1990-е гг. интерес к дореволюционной высшей школе значительно вырос в связи с крушением ряда советских идеологических догм, принятых в отечественной историографии, переосмыслением многих исторических явлений, рассекречиванием ряда архивных документов, появлением мемуарной литературы, освещающей социокультурные аспекты становления российских университетов. История высшего образования получила всестороннее освещение в работах А.Е. Иванова [9–12], где подробным образом проанализирован студенческий и профессорско-преподавательский состав различных видов государственных и негосударственных высших учебных заведений.

Для современной отечественной историографии характерен интерес к различным аспектам деятельности Университета им. А.Л. Шанявского. Собрание документов из различных архивов, показывающих сложности открытия народного университета и утверждения его устава, приводится в коллективной работе преподавателей РГГУ «...Начинание

на благо и возрождение России» [18]. Ряд современных историков обращаются к истории создания Московского народного университета, отмечая уникальность данного учреждения в истории системы негосударственного высшего образования [1].

В последнее время интерес к истории Московского народного университета значительно вырос на фоне активного развития негосударственного высшего образования в России. Тем не менее, вопросы, касающиеся биографии А.Л. Шанявского и реализации проекта Народного университета, остаются до сих пор недостаточно изученными. Надеемся, что данное исследование поможет реконструировать хронологию истории организации крупнейшего высшего учебного заведения дореволюционной России.

Идея создания народного университета в Москве принадлежала Альфонсу Леоновичу Шанявскому (1837–1905), человеку с высокими нравственными идеалами и стремлением к бескорыстному служению российскому народу. Оставшись круглым сиротой, он попал в рекрутский набор мальчиков из польских дворянских семей и был отправлен в Тульский кадетский корпус. Затем был переведен в Орловский корпус, после окончания которого был определен в Петербург в Дворянский полк. В Петербурге Шанявский поступил в Военную Академию Генерального штаба, где также показал себя прилежным и талантливым студентом. Время окончания его обучения совпало с началом реформ в общественной и культурной жизни России [29].

«И после долгого оцепенения за время николаевской реакции словно электрическая искра пробежала по мыслящей России. Все встрепенулись. <...> Две черты... были наиболее характерными для начавшегося тогда умственного движения. Это, во-первых, вера в науку как в великую социальную силу, как в могучую двигательную пружину общественного прогресса; и во-вторых – глубокое убеждение в том, что истинный и прочный прогресс возможен только на почве свободной общественной самодеятельности» [14, с. 323].

Шанявский принял идеи демократизации общества и до конца своих дней оставался их приверженцем. По окончании обучения он стал офицером Егерского полка, но продолжал дополнительно получать образование в Академии Генерального штаба. Как лучшему ученику академии, ему было предложено готовиться к занятию должности доцента. В то же время ему поступило приглашение от губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьёва-Амурского переехать на восток страны, чтобы участвовать в устройстве недавно присоединенного к России Амурского края. Муравьев-Амурский находил лучших выпускников учебных заведений и приглашал их на государственную службу вместо погрязших

во взяточничестве старых чиновников. Шаняевский принял приглашение губернатора и покинул Петербург.

Его на всю жизнь потрясла красота Восточной Сибири: ее просторы, непроходимые леса и многоводные реки. «Служба в Амурском крае была нелегкой. Постоянные разъезды, командировки с целью изучения различных вопросов – и все это верхом, по бездорожью, несмотря на погоду. А.Л. Шаняевскому приходилось преодолевать сотни километров, ночевать подчас под открытым небом. Поездки помогали узнать природу края, познакомиться с его жителями» [20, с. 11].

Во время службы он познакомился с Лидией Алексеенной, дочерью известного золотопромышленника Алексея Федоровича Родственного. Несмотря на богатство, она была очень проста в быту и много времени отдавала на служение больным и обездоленным людям. В 1872 г., после венчания с А.Л. Шаняевским, она обрела в его лице мужа и соратника в деле благотворительности и просвещения.

В 1875 г., в возрасте 38 лет, в самом расцвете своей карьеры, Шаняевский уходит в отставку в чине генерал-майора. В 1879 г. супруги Шаняевские подали прошение о выделении участка для разработки золота. Получив участок, они приумножили капитал Лидии Алексеены, доставшийся ей по наследству. Вскоре супруги Шаняевские создали совместно с В.Н. Сабашниковым компанию по добыче золота на Амуре, принесшую им огромную прибыль, которая, в основном, была пущена на реализацию различных благотворительных проектов. За скромной жизнью этой пары трудно было рассмотреть, что это были богатейшие люди, владевшие золотыми приисками в Сибири и золотопромышленными заводами.

Конец административной карьеры стал поворотным не только в судьбе выдающегося просветителя, но и в судьбе всей России. Он включился в активную организационную работу на Женских врачебных курсах, которые были созданы в 1873 г. при финансовой поддержке супругов Шаняевских. Курсы работали до начала реакции, последовавшей после убийства императора Александра II. В 1882 г. по распоряжению военного министра П.С. Ванновского они были закрыты. Шаняевскому в период с 1882 по 1894 гг. пришлось более ста раз бывать в различных инстанциях с прошением о возобновлении работы так необходимых для общества женских врачебных курсов. Только спустя 12 лет было получено согласие на открытие Женского медицинского института. Шаняевские на это благое дело внесли 300 тыс. руб. из личных средств.

Заветной мечтой Шаняевского было открытие на собственные средства высшего учебного заведения, в котором могли бы обучаться люди

разных социальных групп, а также проводиться исследования, прорывные для науки того периода.

В 1905 г. в политической жизни России произошли события, приблизившие страну к демократизации различных сторон жизни населения. Шанявский, воспользовавшись брожением в обществе, решил дать ход своему проекту по организации народного университета. Для консультации по этому вопросу он обратился к профессору Александру Ивановичу Чупрову, но он в то время лечился в Париже от стенокардии, поэтому не мог активным образом включиться в работу по разработке проекта народного университета. Чупров предложил Шанявскому обратиться за помощью к Максиму Максимовичу Ковалевскому, который имел опыт создания вольной высшей школы в Париже. Шанявский незамедлительно воспользовался ценным советом и обратился к Ковалевскому. Тот в скором времени приехал из Парижа в Москву и возглавил комиссию по разработке Положения о вольном университете.

Ковалевский, как известно, был директором Высшей школы общественных наук, открывшейся в Париже в 1901 г. Данная школа, наряду с другими вольными учреждениями, была принята под эгиду Министерства народного просвещения Франции. Благодаря усилиям Ковалевского, учебное заведение снискало значительную популярность среди наших соотечественников, а лекции там читали ведущие российские ученые: И.И. Мечников, Н.И. Кареев, Ф.К. Волков, Е.Б. Аничков, И.И. Шукин [27]. В 1905 г. школа прекратила свое существование, поэтому Шанявский пригласил Ковалевского внедрить свои наработки по организации вольной школы в России.

По своим взглядам Ковалевский был сторонником прогресса во всех областях жизни. При этом для него важную роль в этом процессе приобретала солидарность между людьми, различными группами и государствами. Закономерности общественного прогресса он переносил и на духовную жизнь, в которой прогресс выступил наиболее ярко и проявился в росте человеческих знаний [13].

Для создания нового учебного заведения требовались немалые финансовые вложения. В связи с этим, Шанявский подготовил дарственный акт, согласно которому он передавал Московской городской думе свое недвижимое имущество в Москве, для того чтобы на деньги от сдачи этого имущества в наем или от его продажи осуществлялась деятельность вольного университета. В дарственном документе было два важных условия: обязательное утверждение Положения об университете в Государственной думе и крайний срок, до которого должны были начаться учебные занятия (3 октября 1908 г.). При невыполнении

хотя бы одного из этих условий Московская городская дума лишалась всех завещанных средств.

15 сентября 1905 г. Шанявский написал письмо министру народного просвещения генералу В.Г. Глазову, изложив необходимость создания частного университета для всех, кому было недоступно обучение в казенных высших учебных заведениях. В тот же день он обратился в Московскую городскую думу, предложив на собственные пожертвования создать свободный университет, находящийся в ведении Городского общественного управления.

В университете Шанявский предлагал ввести систему общественного управления в лице Попечительского совета, половина членов которого должна была избираться Городской думой, а половина – назначаться со стороны учредителя, т.е. жертвователя. Важным нововведением стало его предложение о членстве в совете женщин и лиц с высшей ученой степенью. Шанявский был убежден, что, став частью общественного самоуправления, университет сможет лучше развиваться и процветать, нежели если его организовать на положении частного заведения.

В тот же день Шанявский написал письмо профессору В.К. Ротту с просьбой представить Московской городской думе его обращение о передаче в дар городу средств для создания Народного университета [21]. Конечно, Московская городская дума с большой благодарностью приняла подарок богатого мецената, но для думских гласных это событие было неожиданным. В практике чиновников уже были постановления городской думы и земств об открытии низших и средних школ, но примера создания университета при органе общественного самоуправления еще не было. В итоге, Московская городская дума и Московский градоначальник Г.П. Медем приняли дар мецената и поддержали его начинания по организации народного университета. 25 октября 1905 г. специальная комиссия доложила на заседании Московской городской думы заключение по вопросу организации Народного университета на средства Шанявского. В результате единогласно было принято решение о поддержке данной инициативы, учреждении общества для увеличения средств на создание и расширение нового университета, разработке уставов университета и названного общества [18, с. 44].

Состояние здоровья Шанявского в это время сильно ухудшилось, поэтому он написал доверенность на свою супругу, разрешающую ей сформировать Попечительский совет и комиссию для разработки устава университета. Круг лиц был уже оговорен ранее, но кто-то мог и отказаться, поэтому супруга имела право приглашать новых людей взамен отказавшихся [22, л. 1]. Кроме того, Альфонс Леонович попросил свою жену дать согласие на пожизненное членство в составе Попечительно-

го совета и на вхождение в комиссию по разработке университетского устава [22, л. 2].

7 ноября 1905 г. стало поворотным в судьбе нового университета: Шанявский подписал завещание, согласно которому часть состояния переходила его супруге, а часть – в дар Москве на создание и развитие Народного университета. Предлагаемое городу имущество состояло из земли в 1068 кв. сажень (приблизительно 4862 м²) с домом на улице Арбат. Доход от аренды помещений дома составлял ежегодно 45 тыс. руб. в год. Шанявский предлагал сдавать в аренду под магазины и ремесленные мастерские первые этажи и получать 22 тыс. руб. чистого ежегодного дохода, а второй и третий этажи использовать для обучения. Он также предложил запасной вариант – сдавать весь дом в аренду, а вырученные деньги вкладывать в аренду учебных аудиторий в других заведениях. В завещании было также сказано, что в случае смерти Л.А. Шанявской переданное ей имущество переходит во владение Народного университета. В документе была серьезная ремарка, что если университет не будет открыт в течение трех лет со дня его последнего обращения в Московскую городскую думу, то все капиталы после смерти его и его жены должны быть переданы Санкт-Петербургскому женскому медицинскому институту [5, л. 10].

В тот же день, после подписания дарственной, Альфонс Леонович умер, а все его дела перешли к супруге Лидии Алексеевне Шанявской. Она активным образом продолжила дело мужа. В общей сложности она пожертвовала университету 689 466 руб. (из них 615 тыс. руб. на постройку здания университета). Кроме Л.А. Шанявской, активную помощь в деле создания нового учреждения оказали члены кружка общественных деятелей, которых Альфонс Леонович пригласил к участию в разработке устава и других нормативных документов народного университета. В состав кружка входил известный благотворитель Михаил Васильевич Сабашников, связанный с Шанявским давней дружбой. Сабашников приложил огромные усилия в продвижении идеи своего друга: давал деньги, использовал имеющиеся у него связи, участвовал в обсуждении различных инициатив.

После принятия Мосгордумой дара Шанявского требовалось законодательно утвердить Положение об университете. В газете «Русские ведомости» иронично было замечено: «Всякий, кто помнит, как протекала в Москве зима 1905–1906 г. – а кто же этого не помнит? – поймет, почему московское общественное городское управление смогло выработать и утвердить положение о народном университете лишь к лету 1906 г. Да и зачем город стал бы чрезмерно торопиться? Ведь осторожный жертвователь дал ему на осуществление своей воли целых три года.

Но перед лицом бюрократии и три года могут оказаться “яко час един”» [16, л. 6].

Подготовленный документ, регламентирующий деятельность нового университета, был опротестован Московским особым по городским делам присутствием и лежал без дела четыре месяца. После неоднократных ходатайств со стороны Л.А. Шанявской и членов Совета университета дело сдвинулось с мертвой точки. Утвержденное Мосгордумой Положение об университете передается на рассмотрение градоначальнику А.А. Рейнботу. Ознакомившись с полученными документами, он заявил, что открытие народного университета повлечет за собой активизацию революционно настроенного элемента и ослабит порядок в городе. Для обеспечения полноценного управления народным университетом, по его мнению, нужно будет ввести должность ректора, а не председателя попечительского совета. Также Рейнбота смущала возможность преподавания учебных курсов без предварительного утверждения их программ в Министерстве народного просвещения. Особую опасность для градоначальника представляло возможное поселение в Москве неблагонадежного элемента из числа слушателей народного университета. Он настаивал на том, что в народный университет должны приниматься лишь лица, имеющие право жительства в Москве. Все высказанные градоначальником замечания были переданы министру внутренних дел П.А. Столыпину.

Правда, ограничения, предложенные Рейнботом, так и остались на бумаге из-за начавшегося расследования его коррупционных махинаций. Оказалось, что Рейнбот сэкономил бюджетные деньги за счет большой неукомплектованности штата московских полицейских и зачислял оставшиеся средства на свой банковский счет. В декабре 1907 г. Рейнбота отстранили от должности градоначальника и началось следствие, которое закончилось судом, вынесшим решение о заключении виновного в тюрьму сроком на один год и возмещении им в казну 27 329 руб. 50 коп. Мошеннических схем градоначальника было так много, что только доклад судьи по расследованию «дела Рейнбота» составил 700 страниц текста [19]. Каково же было удивление следивших за процессом граждан, когда приговор так и не был приведен в исполнение, т.к. император Николай II даровал Рейнботу помилование. Возможно, он учел заслуги градоначальника в борьбе с московскими революционерами. Не случайно в 1906 г. на Рейнбота было совершено покушение: брошенная бомба перелетела через него, упала на мостовую и взорвалась, не причинив никому вреда. О чудесном спасении московского градоначальника Николаю II стало известно в день Николая Чудотворца (6 декабря по старому стилю), после чего Рейнбот был зачислен в Свиту Его Величества.

Сменивший Рейнбота на посту градоначальника Н.И. Гучков написал письмо Столыпину с просьбой снова вернуться к вопросу об учреждении народного университета [25]. Так в многочисленной переписке между различными ведомствами протекло больше половины данного жертвователем срока. Только в апреле 1907 г. удалось сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Министерство внутренних дел с благоприятным заключением препроводило Положение об университете в Министерство народного просвещения, отмечая, что наличие ректора в данном учреждении совершенно не обязательно, т.к. Председатель Правления университета и будет фактически выполнять функции ректора.

Министр народного просвещения П.М. Кауфман и его товарищ (заместитель) О.П. Герасимов поддержали начинания Шанявского, но, в свою очередь, в традициях российской бюрократической системы немного притормозили реализацию идей мецената. Кауфман направил в Совет министров письмо о необходимости внесения некоторых корректировок в Положение о Московском Народном университете, в частности, о его взаимодействии с министерством [26]. Предлагалось кандидатуру Председателя Правления утверждать приказом министерства и сообщать министру перед началом учебного года список лекторов и перечень преподаваемых курсов.

С внесенными поправками документы были переданы в Государственную думу. Но II Государственная дума за время бюрократической волокиты прекратила свою работу, будучи досрочно распущена в июне 1907 г. Требовалось ждать созыва очередной думы, а это опять откладывало решение данного вопроса.

Только 1 ноября 1907 г. Дума нового созыва приступила к законодательской деятельности. Дело об открытии университета не требовало отлагательств, поэтому данный вопрос был вскоре поставлен на рассмотрение. Но это не укорило, а, наоборот, неизвестно насколько отложило реализацию замысла Шанявского. На заседании 4 декабря 1907 г. Государственная дума постановила признать постановление министра народного просвещения спешным и передать его в комиссию по народному образованию [18, с. 100].

В свою очередь Комиссия по народному образованию III Государственной думы посчитала, что устав университета слишком подробно описывает внутренний регламент. По мнению членов Комиссии, устав должен содержать общие положения с возможностью некоторых незначительных изменений. В целом Комиссия предлагала утвердить Положение о Народном университете и разрешить Московскому городскому общественному управлению открыть новый вуз на средства, завещанные Шанявским.

Но тут произошли кадровые перестановки в Министерстве народного просвещения: с постов были сняты Кауфман и Герасимов, а новым министром 1 января 1908 г. был назначен Александр Николаевич Шварц. Он незамедлительно вернул обратно из Госдумы Положение о Московском городском университете для более детального изучения и редактирования. В газете «Русские ведомости» некто под псевдонимом Asper написал: «В тот самый день, когда законопроект об университете Шанявского должен был обсуждаться с думской трибуны, новый министр народного просвещения г. Шварц заблагорассудил потребовать его обратно в министерство. По существующим законоположениям министр имел, несомненно, полное право это сделать. Но, чтобы воспользоваться в подобных условиях своим правом, министр должен был, конечно, иметь особенно веские основания» [16, л. 6].

В редактировании Положения об университете принял участие юриконсульт Министерства народного просвещения Н.Е. Рейнбот. Он, со свойственной ему чиновничьей скрупулезностью и вьедливостью, изучил все документы и потребовал заверить их подписью Московского городского головы, иначе он не хотел заниматься данным вопросом. В дополнение Н.Е. Рейнбот потребовал засвидетельствованную копию с дарственной Шанявского, где можно было увидеть описание даримого имущества и те условия, на которых Городская дума приняла дар.

В срочном порядке в Министерство были переданы заверенные соответствующим образом документы. В это время Шварц и Рейнбот готовили поправки в Положение об университете, что опять затянуло процесс. Боясь потерять дар, завещанный Шанявским, Гучков во время поездки в Петербург по делам встретился со Шварцем по вопросу об открытии Народного университета. В это же время Шанявская отправила новому министру телеграмму с мольбой о скорейшем решении затянувшегося вопроса [23]. Для знакомства Шварца со всеми документами, касающимися дела, вдова отправилась в Петербург, не дожидаясь, пока копии материалов поступят в Министерство народного просвещения официальным путем. Шварц обещал вернуть проект университетского устава в Государственную думу к началу великого поста, но и к этому времени никаких действий не предпринял.

В Государственной думе возникли жаркие прения по поводу законопроекта Шварца. С разгромной речью по поводу сознательного затягивания дела со стороны Шварца выступил депутат А.А. Булат, отметив, что министр продержал документы у себя более четырех месяцев не из-за необходимости внесения существенных изменений, а из-за того, что он является противником частных инициатив в деле народного просвещения. Депутат также иронизировал над чиновниками

министерства, которым пора бы освободить государственные места и дать возможность поработать профессионалам. За скорейшее принятие Положения о народном университете выступили депутаты В.С. Соколов, В.А. Маклаков, В.К. фон Анреп, А.А. Уваров, в один голос упрекая Министерство народного просвещения в противодействии замечательной идее Шанявского.

После ряда указаний на несовершенство обсуждаемого документа Председатель Государственной думы Н.А. Хомяков поставил вопрос о спешности принимаемого Положения на голосование. Депутаты посчитали этот документ спешным и начали рассматривать его по статьям. Самое серьезное разногласие Думы и министерства касалось 6 статьи, в которой, по настоянию Шварца, было написано, что программы не только систематических курсов, но и отдельных лекций должны утверждаться попечителем учебного округа. Выполнение этих требований было сложным для профессоров и душило на корню их творческую свободу. После принятия Положения об университете в Госдуме с внесенными замечаниями его затем должны были утвердить в Государственном совете.

15 июня 1908 г. Шанявская написала Гучкову письмо о необходимости организации поддержки проекта Положения о Народном университете на предстоящем заседании Государственного совета [24]. Она просила московских представителей Госсовета поддержать инициативу ее покойного мужа и присутствовать на предстоящем обсуждении данного вопроса. До заседания Государственного совета Шанявская обращалась ко многим влиятельным фигурам, чтобы заручиться их поддержкой в деле народного образования.

18 июня 1908 г. состоялось заседание Государственного совета, где рассматривалось Положение о Народном университете им. А.Л. Шанявского. В самом начале заседания в поддержку университета прекрасную речь произнес А.Ф. Кони. Он привел данные по затратам государства на содержание императорских высших учебных заведений, показав тем самым, что частная инициатива семьи Шанявских позволит выпустить из стен народного университета специалистов, полезных обществу, сэкономив при этом бюджетные деньги. Более того, новый университет откроет новые горизонты для повышения образовательного уровня молодых людей, доступ которым в государственные учреждения закрыт. Народный университет поможет ответить новому поколению на вопросы, касающиеся физиологии, отношений полов, смысла жизни. Что же касается возможных беспорядков, то от них не застрахован никто, ни частные, ни общественные, ни государственные учебные заведения.

Неизвестно, что помогло положительно решить наболевший вопрос: обращение Шанявской к Московскому городскому голове, патриотические чувства московских представителей Госсовета (А.А. Мануйлов, М.Л. Лосев, Г.А. Крестовников и др.), осознание большинством абсурдности сложившейся ситуации с открытием вуза для простого населения. Тем не менее, здравый смысл восторжествовал, и проект Шанявского уже стал приближаться к своей реализации после трех долгожданных лет, прошедших от принятия Московской городской думой дара от генерала-майора до юридического открытия долгожданного учебного заведения.

Как только законопроект был утвержден, началась тяжелая работа по оснащению университета необходимой мебелью, лабораторным оборудованием, канцелярскими принадлежностями и книгами. Необходимо было в срочном режиме найти преподавателей, составить учебный план, набрать слушателей. До открытия университета оставалось три месяца.

В последний день истекающего срока профессор Алексей Фёдорович Фортунатов прочел свою первую лекцию в народном университете. С этого момента и началась славная история детища Шанявского.

Проект создания Университета А.Л. Шанявского так долго пробивал себе дорогу, отчасти, по вине бюрократических проволочек. С другой стороны, появление на частных средства университета, не имеющего ограничений в порядке приема студентов и в выборе преподавателями программ обучения, создавало угрозу для обеспечения правопорядка и сдерживания революционно-настроенной молодежи. В обществе тех лет царили тревожные настроения и предчувствия надвигающейся революции. Согласие на открытие народного университета А.Л. Шанявского стало своего рода уступкой государства в условиях третьиюньской монархии, когда в стране одновременно можно было наблюдать жесткий авторитаризм и проявление демократии. Опасения консервативно настроенной части общества в отношении доступного образования для всех желающих, независимо от их пола, социального положения и вероисповедания, в итоге были не напрасны. Власть не смогла обуздать бурление в студенческой среде Московского городского народного университета. В ряды слушателей университета внедрялись под другими фамилиями социал-демократы, которые скрывались от полицейского преследования. Они вербовали в свои ряды новых членов, устраивали политические сходки, собирали деньги на революционное движение, печатали и распространяли прокламации антиправительственного содержания. В отличие от многих других высших учебных заведений, Университет им. А.Л. Шанявского стал не просто зеркалом,

в котором можно было увидеть все то, что существовало в то время в стране. Он стал источником многих веяний и событий, выходявших далеко за его стены и изменивших судьбы не только отдельных людей, но и страны в целом.

Библиографический список

1. Власов В.А. Народный университет имени Шаняевского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 527–532.
2. Воробьева Ю.С. Архивные документы о народном университете им. А.Л. Шаняевского // Советские архивы. 1970. № 4. С. 104–106.
3. Воробьева Ю.С. Московский городской народный университет им. А.Л. Шаняевского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973.
4. Воробьева Ю.С. Как был создан университет им А.Л. Шаняевского // Вопросы истории. 1977. № 8. С. 208–210.
5. Завещание А.Л. Шаняевского // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московские городская дума и управа, г. Москва, 1870–1917). Оп. 11. Д. 734. Л. 1–10.
6. Иванов А.Е. Высшая школа России конца XIX – начала XX вв. Состав и юридический статус // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1982. С. 174–208.
7. Иванов А.Е. Управление высшей школой в России в конце XIX – начале XX в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1983. С. 169–202.
8. Иванов А.Е. География высшей школы России в конце XIX – начале XX вв. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. М., 1984. С. 160–183.
9. Иванов А.Е. Профессорско-преподавательский корпус высшей школы конца XIX–XX вв. // История СССР. 1990. № 5. С. 60–77.
10. Иванов А.Е. Высшая школа в России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
11. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской Империи XVIII в. – 1917 г. М., 1994.
12. Иванов А.Е. Гимназистки: выбор профессиональной судьбы // Лицейское и гимназическое образование. 1999. № 4. С. 16–21; № 5. С. 18–23.
13. Казаков А.П. Теория прогресса в русской социологии конца XIX века (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский). СПб., 2006.
14. Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1997.
15. Климочкина Н.Я. Народные университеты в России (1905–1917). Дис. ... канд. пед. наук. М., 1970.
16. Московский городской народный университет им. А.Л. Шаняевского – статьи в газетах: «Новое время» (1905, окт. 21), «Русские ведомости» (1908, апр. 6), «Handlowiec polski» (1905, № 1), Листок из календаря (1909, янв. 10), газетные вырезки // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554 (Шаняевский Альфонс Леонович (1837–1905); Шаняевская Лидия Алексеевна (?–1921)). Карт. 3. Ед. хр. 31. Л. 1–8.
17. Московский городской народный университет имени А.Л. Шаняевского. Исторический очерк. М., 1914.

18. «...Начинание на благо и возрождение России» (создание Университета имени А.Л. Шанявского) / Сост. Глебова И.И., Крушельницкий А.В., Степанский А.Д. М., 2004.
19. Невский С.А. О злоупотреблениях в Московском градоначальстве в начале XX в. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 2. С. 191–195.
20. Овсянников А.А. Миусская площадь, 6: Путеводитель. М., 1987.
21. Письмо А.Л. Шанявского В.К. Роту от 15 сентября 1905 г. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554 (Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905); Шанявская Лидия Алексеевна (?–1921)). Ф. 554. Карт. 1. Д. 12. Л. 1.
22. Письмо к Герасимову Осипу Петровичу // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554 (Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905); Шанявская Лидия Алексеевна (?–1921)). Карт. 1. Д. 31. Л. 1–2.
23. Письмо к Шварцу А.Н., с присоединенной телеграммой к А.Н. Шварцу // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 554 (Шанявский Альфонс Леонович (1837–1905); Шанявская Лидия Алексеевна (?–1921)). Карт. 1. Ед. хр. 42. Л. 1–2.
24. Письмо Л.А. Шанявской Московскому городскому голове Н.И. Гучкову от 15 июня 1908 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 179 (Московский городская дума и управа, г. Москва, 1870–1917). Оп. 11. Д. 287. Л. 170.
25. Письмо Н.И. Гучкова П.А. Столыпину // Российский государственный исторический архив. Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 153. Д. 458. Л. 31.
26. Письмо П.М. Кауфмана в Совет министров // Российский государственный исторический архив. Ф. 1276 (Совет министров, 1905–1917). Оп. 3. Д. 819. Л. 2–7.
27. Погодин С.Н. Максим Максимович Ковалевский. СПб., 2005.
28. Сперанский Н.В. Возникновение Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского. М., 1913.
28. Фандо Р.А. Меценатство и просветительство в дореволюционной России: Альфонс Шанявский и его «вольная школа» // Былые годы. 2016. Т. 39. № 1. С. 210–221.

Фандо Роман Алексеевич – кандидат биологических наук; заместитель директора по науке, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук

E-mail: fando@mail.ru

R. Fando

Alfons Shanyavsky and his project
of Moscow City People's University

The article is devoted to the history of Moscow City People's University organization and its founder A.L. Shanyavsky. He had a plan to create a university accessible

to the general public, to organize its work on democratic principles, to attract the most talented scientists of the time to teach there. The process of opening the university was delayed for several years due to various bureaucratic obstacles. Documents from various domestic archives helped to reconstruct the history of the struggle for the people's university from the moment of its design.

Key words: A.L. Shanyavsky, People's University, democratization of education in Russia in the second half of the XIXth century, of Moscow City People's University.

Fando Roman A. – PhD in Biology; deputy director (science), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences

П.А. Рыбаков

Коллективизация и раскулачивание в Тульском регионе в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В статье на основе архивных материалов, опубликованных документов и данных периодической печати освещается процесс коллективизации и раскулачивания в Тульском регионе Московской области в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В статье показан процесс выработки политики коллективизации и раскулачивания, основные методы и приемы их практического осуществления. Особое внимание уделено рассмотрению протестного движения крестьян, направленного против коллективизации. Изучаемый регион, по данным Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) относился к числу районов Советского Союза, в котором протестное движение носило наиболее острый характер. Оно принимало как пассивные, так и активные формы. В статье приводятся наиболее распространенные формы активного и пассивного протеста, их динамика и масштабы. В заключительной части статьи подведены итоги проведения коллективизации в рассматриваемом регионе к концу первой пятилетки.

Ключевые слова: коллективизация Тульского региона, раскулачивание в СССР, российская деревня, крестьянство, налоговая политика в деревне, репрессии, крестьянское сопротивление.